

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОТЕНЦИИ ПРАФИННОУГОРСКОГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СУФФИКСА *-ŋ*: на материале мордовских, хантыйского и мансийского языков

Д. В. ЦЫГАНКИН,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры эрзянского языка
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Сравнительное изучение финно-угорских языков на современном этапе их развития основывается на той предпосылке, что общность происхождения не предполагает структурного сходства на всех уровнях родственных языков. При сравнительно-типологическом изучении в первую очередь возникают вопросы о соотношении генетического и структурного. Условия формирования языков финно-угорских народов и конкретные процессы развития каждого языка устранили многие черты первоначальной генетической общности, но сохранили знаковые особенности, реализующиеся в системах современных финно-угорских языков.

Сравнительное изучение, например, мордовских, хантыйского и мансийского языков позволяет обнаружить в их словообразовательных системах структурно-генетические, а в ряде случаев и типологические совпадения. Сходство словообразовательных построений проявляется, в частности, при анализе производных прилагательных, образованных посредством суффикса *-ŋ*.

Данная статья является попыткой провести сравнительно-сопоставительный анализ производных с данным суффиксом с целью выявления его словообразовательных потенций, что даст возможность найти то общее, что генетически роднит эти языки.

Среди словообразовательных суффиксов, восходящих к финно-угорской лингвистической общности, есть суффикс *-ŋ* [6, 37–38]. В современных финно-угорских языках он отмечается в словообразовательных системах мордовских (эрзянского), хантыйского и мансийского языков.

Отметим, что в финно-угорском языке-основе был особый согласный *ŋ*, который сохранился в структуре непроизводного слова в эрзянском (в говорах) [5], саамском [2], удмуртском (в южных диалектах, в частности кукморском) [1], марийском [4], хантыйском [8] и мансийском [7] языках; в других финно-угорских языках он исчез, оставив после себя другие согласные [3]. В таблице приведены некоторые примеры слов, в структуре которых (за исключением начального слога) представлен *ŋ*.

Примеры слов с согласным *ŋ* в финно-угорских языках

э. д.	мр.	уд. д.	см.	х.	мн.
<i>čoj</i> «пена»	<i>šoj</i> «пена»	<i>šanja</i> «галка»	<i>iŋŋ</i> «лед»	<i>čə'ŋk</i> «жара»	<i>jaŋk</i> «лед»
<i>koŋ</i> «луна»	<i>čaŋa</i> «галка»	<i>puŋ</i> «конец»	<i>pāŋŋ'k</i> «уздечка»	<i>jaŋk</i> «вода»	<i>puŋk</i> «зуб»
<i>ki'leŋ</i> «береза»	<i>oŋ</i> «грудь»	<i>diŋ</i> «комель»	<i>raŋŋ'k</i> «тело»	<i>kuŋəŋ</i> «подмышка»	<i>lātəŋ</i> «слово; весть»
<i>puŋ</i> «зуб»	<i>čüŋgaš</i> «клевать»	<i>čaŋ</i> «набат»	<i>rīŋŋk</i> «ветер»	<i>čaŋkta</i> «расти»	<i>paŋx</i> «мухомор»
<i>eŋ</i> «лед»	<i>möŋgeš</i> «обратно»	<i>c'iŋkaš</i> «бровь»	<i>jūŋŋk</i> «нога»	<i>jöŋk</i> «лед»	<i>s'ūŋ</i> «угол (острый)»

Что касается словообразовательного суффикса *-ŋ*, то он, используя потенциальные возможности в каждом из сравниваемых языков, образует как прилагательные, так и существительные.

1. Прилагательные от существительных со значениями «изобилующий чем-либо», «обладающий чем-либо», название которых выражено производящей основой:

ф.-у. **were* > э. *ver'*, м. *ver* «кровь» → э. д. *ver'eŋ*, э. л. *ver'ev*, м. *veri²* «кровавый, окровавленный» – х. *vər* «кровь» → *wəraŋ* «кровянистый; окровавленный»;

ф.-у. **puna-* > э., м. *pona* «волос; шерсть» → э. д. *ponaŋ*, э., м. *ponav* «волосатый; мохнатый» – х. *puŋ* «волос; шерсть; перо» → *puŋəŋ* «мохнатый; покрытый шерстью, волосами, пером» – мн. *puŋ* «перо (птицы); пух; мех; шерсть» → *puŋiŋ* «пушистый; косматый»;

ф.-у. **woje* > э. *voj*, м. *vaj* «масло» → э. д. *oejeŋ*, э. л. *oev*, м. *oju* «масляный; маслянистый» – х. *woj* «жир, сало (нутряное)» → *wojaŋ* ~ *wöəŋ* «жирный» – мн. *woj* «жир; сало; масло» → *wojiŋ* «жирный»;

¹ə – переднерядный, неогубленный редуцированный гласный, акустически напоминающий звук, промежуточный между гласными (э) и (ы).

²i – заднерядный неогубленный согласный (ы).

ф.-у. **kiwe* > э., м. *kev* «камень» → э. д. *keveŋ*, э. л. *kevev*, м. *kevi* «каменистый» – х. *kōz³* ~ *kāv* «камень» → *kōkkəŋ* ~ *kaveŋ* «каменистый; комковый»;

ф.-у. **wete* > э., м. *ved'* «вода» → э. д. *ved'eŋ*, э. л. *ved'ev*, м. *ved'u* «водянистый» – мн. *wit* ~ *wit'* «вода» → *witiŋ* ~ *witeŋ* «водянистый; мокрый; сочный» и др.

2. Прилагательные от существительных с общим значением «наделенный тем, что названо производящей основой»:

ф.-у. **wäke* > э., м. *vij* «сила; могущество» → э. д. *vijeŋ*, э. л. *vijev*, м. *viji* (*viju*) «сильный; могущественный» – х. *wōx* «сила» → *wōkkəŋ* «сильный» – мн. *wag* «сила» → *wagiŋ* «сильный; мощный»;

ф.-у. **piŋe* > э., м. *pej* «зуб» → э. д. *pejeŋ*, э. л. *pejev*, м. *peju* «зубастый» – х. *pōŋk* «зуб; зубец» → *pōŋkəŋ* «зубастый» – мн. *puŋk* ~ *pāŋk* «зуб» → *puŋkiŋ* «зубастый»;

ф.-у. **sōla* > э., м. *sal* «соль» → э. д. *saləŋ*, э. л. *salov*, м. *salu* «солёный» – х. *sōlnə* ~ *sālna* ~ *sättə* «соль» → *sālnaŋ* ~ *söttəŋ* «солёный» – мн. *solwal* «соль» → *solwaliŋ* «солёный»;

³ɤ – звонкий заднеязычно-увулярный щелевой согласный.

- ф.-у. **sarne* > э. *sir'n'e* «золото» → э. д. *sir'n'eŋ*, э. л. *sir'n'ev* «золотой; золотистый» – х. *sārn'ə* ~ *sōrn'e* «золото» → *sārn'aŋ* ~ *sorn'eŋ* «золотой» – мн. *sorn'i* «золото» → *sorn'iŋ* ~ *surneŋ* «золотой»;
- ф.-у. **künče* > э., м. *kenže* «ноготь» → э. д. *kenžeŋ*, э. л. *kenžev*, м. *kenži* «когтистый» – х. *kū⁴nč* ~ *kūnš* «ноготь; коготь» → *kūnčəŋ* ~ *kūnšəŋ* «когтистый» – мн. *kons* ~ *kāns* «ноготь; коготь» → Ø⁵ и др.

В данную группу можно отнести хантыйские и мансийские производные прилагательные с суффиксом *-ŋ*, не имеющие прямых соответствий в мордовских языках. Первый член (производящая основа) в некоторых соответствиях наличествует в качестве самостоятельного слова или обнаруживается как основа в глагольных образованиях:

- х. *kol* «щель» → *koləŋ* «щелеватый, щелевой, щелистый»; э., м. *kol-* (> *kol'gems* «течь, протекать»);
- х. *wer* «дело; работа» → *werəŋ* «деловой; дельный»; э. *ver-* (> *ver'ged'ems* «зажечь; высечь огонь»);
- х. *tas* «богатство; имущество; добро» → *tasəŋ* «богатый», мн. *sol* «богатство» → *solijəŋ* «богатый» – э. *taš-* (> *taštams* «копить, накопить; сберечь; экономить»);
- х. *pjñ* «бородавка; родимое пятно» → *pjñəŋ* «бородавчатый»; э. *pin'-* (> *pin'en'čecej* «ячмень на глазу»);
- х. *kjñ'* ~ *keŋ* «заразная болезнь» → *kjñ'aŋ* ~ *keŋəŋ* «больной; хворый»; э. *kin'-* (> *kin'et'ems* «чесаться») и др.

3. Существительные от существительных со значением предназначения. В мордовских языках в таких соответствиях обнаруживается лишь первый член, второй – отсутствует:

- х. *köt* «рука» → *kötəŋ* «повитуха, повивальная бабка», мн. *kat* «рука» – Ø, э. *ked'*, м. *käd'* «рука» → Ø;

- х. *n'al* ~ *n'at* «стрела; дробь; пуля» → *n'aləŋ jux* «шомпол», мн. *n'al* «стрела» → Ø, э., м. *nal* «стрела» → Ø;
- х. *pəl* ~ *pət* «ухо; слух» → *pələŋ* ~ *pətəŋ* «наушник; ручка (кастрюли, чайника)», мн. *pal'* – *päl'* «ухо» → *päl'əŋ* ~ *päl'iŋ* «чуткий; ушастый» – э., м. *pile* «ухо» → Ø;
- х. *pä* ~ *päj* «палец» → *paŋəŋ* ~ *päjəŋ* «перчатка» – мн. *tul'owil* «палец» → *tul'owilijəŋ* «перчатка»;
- х. *ilt* «вязь между копьями саней» → *iltəŋ*: *iltəŋ jux* «спинка у розвальней, скрепленная вязью» и др.

В эту же группу следует отнести образования-номинанты, первым компонентом которых является производное прилагательное с суффиксом *-ŋ*, а вторым – существительное:

- мн. *et* «ночь» → *etəŋ hotal* «сутки»;
- мн. *jurt* «друг; товарищ» → *jurtijəŋ n'awramix* «близнецы»;
- х. *jiməŋ* «святой; священный» → *jiməŋ kotl* «праздник».

4. Прилагательные от существительных, обозначающие признак (позитивный или негативный) по наличию в данном предмете:

- х. *jör* «гордость; спесь; надменность» → *jörəŋ* «гордый; горделивый; спесивый; надменный» – мн. *jur* «гордость» → *jurijəŋ* ~ *jurəŋ* «гордый»;
- х. *järəl* «вид орнамента» → *jäxləŋ* «пестрый» ~ *jarləŋ* «со звездочкой на лбу (о животных)»;
- мн. *sim* «сердце» → *simijəŋ* ~ *səməŋ* «сердечный» – х. *səm* «сердце» → *səməŋ* «смелый», *səməŋ čop* «грудная часть корпуса человека или животного» – э. *s'ed'ej*, м. *s'ed'i* «сердце»;
- х. *jurək* «толк; смысл; разумение» → *jurkəŋ* «толковый; смысленный; сообразительный» – э. *jurok* «умение; способность; навык; сноровка; опыт» → э. д. *jurokoj*, э. л. *jurokov* «умелый; способный; опытный»;
- мн. *pet* «ложь; обман; притворство» → *petijəŋ* «лживый» и др.

5. Прилагательные от глагольных основ со значениями «испытывающий действие,

⁴ ü – огубленный краткий гласный (y).

⁵ Ø обозначает отсутствие производного.

названное производящей основой» или «исполняющий действие, названное производящей основой». В мордовских языках в таких соответствиях производящая основа сохраняется в других образованиях:

- х. *kəšŷj* ~ *kəšaj* ~ *kəšŷj* «больной, нездоровый» ← *kəšärətätä* ~ *kəšatta* «ушибить, повредить; ушибиться»; э. *keš-*, м. *kš-* (> э. *kešn'ams-*, м. *kšn'ams-* «читать»);
- мн. *wol'kiŷj* ~ *wol'kaŷj* «скользкий» ← *wol'kuŷkwe* «скользить» – э. *val-* (> *valan'a* «гладкий»);
- х. *n'irəŷj* «злой; упрямый; непоседливый» ← *n'irta* «корить; укорять; упрекать», мн. *kantijŷj* «злобный» ← *kant* «злость»;
- х. *kölleŷj* «пристань (место стоянки лодок на берегу реки)» ← *kölərtä* ~ *kölərta* «заехать; пристать к берегу; подняться на берег» – э. *kel-* (> *kelems* «идти вброд»);
- х. *kürmeŷj* ~ *kürmäŷj* «быстрый на шаг, способный быстро идти шагом» ← *kürnärtätä* «шагать; шагнуть»;
- х. *küeŷj* «хмельной; крепкий (о напитке)» ← *kütt'əta* «опьянеть»;
- х. *jiseŷj* «плаксивый» ← *jistä* «выть; плакать»;
- х. *jaseŷj* ~ *jüseŷj* «сказание» ← *jasteta* «сказать; сообщить; говорить; рассказывать»;
- х. *jasneŷj* «словоохотливый» ← *jasnita* «поносить; хулить за глаза; оговорить; оклеветать» и др.

6. В эрзянском языке (в некоторых говорах) суффикс *-ŷj* выступает в качестве словообразовательного при образовании глаголов:

- э. д. *kel'eŷems*, э. л. *kel'emems*, м. *kel'eməms* «расшириться» (< **keleŷj* «широкий»);
- э. д. *naškoŷoms*, э. л. *naškomoms*, м. *naškəməms* «намокнуть» (< **naškoŷj* «мокрый; влажный»);
- э. д. *vid'eŷems*, э. л. *vid'emems*, м. *vid'əməms* «выпрямиться; стать прямым» (< **vid'eŷj* «прямой»);

- э. д. *potoŷoms*, э. л. *potomoms*, м. *potəməms* «утихнуть; успокоиться» (< **potoŷj* «спокойный»);

- э. д. *vieŷems*, э. л. *viemems* «усилиться» (< **vieŷj* «сильный») и др.

7. В эрзянском языке (в некоторых говорах) суффикс *-ŷj* получает отражение в качестве словообразовательного суффикса при образовании делительных числительных, в хантыйском и мансийском языках ему соответствуют *-rə* (х.), *-r*, *ir* (мн.). Например:

- э. д. *n'il'eŷj* «на четыре (части)» ← *n'il'e* «четыре», э. л. *n'il'ev*, м. *n'il'ev* – мн. *n'ilar*⁶ «на четыре (части)» ← *n'ila* «четыре» – х. *nələrə*⁷ «на четыре (части)» ← *nələ* «четыре»;

- э. д. *kolmoŷj* «на три (части)» ← э. *kolmo*, м. *kolma* «три», э., м. *kolmov* – мн. *xurəmir* «на три (части)» ← *xurə* «три»;

- э. д. *kavtoŷj* «надвое; пополам» ← *kavto* «два», э. л. *kavtov*, м. *kaftəv* – х. *kitrə* «надвое; пополам» ← *kit* «два» – мн. *kitirir* «надвое; пополам» ← *kitir* ~ *kit* «два»;

- э. д. *kotoŷj* «на шесть (частей)» ← э. *koto*, м. *kota* «шесть», э. *kotov*, м. *kotəv* – х. *kutrə* «на шесть (частей)» ← *kut* «шесть» – мн. *xōtir* «на шесть (частей)» ← *xōt* ~ *xot* «шесть» и др.

8. В мансийском языке суффикс *-ŷj* обнаруживается как один из компонентов инфинитивного суффикса. Например:

- *lovin'taŷkwe* «читать» (э. *lovoms*, м. *luvoms* «читать; сосчитать»);

- *piluŷkwe* ~ *pe'l'ex* «бояться; труситься», х. *pəlta* «бояться; опасаться» (э. *pelems* «бояться»);

- *toluŷkwe* «таять» (э., м. *solams* «таять»);

⁶ Делительные числительные в мансийском языке образуются от количественных с помощью суффиксов *-r* для основы на гласный, *-ir* для основы на согласный. См.: Ромбандеева Е. И. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973. С. 95.

⁷ В хантыйском языке при образовании этих же числительных используется суффикс *-rə* (для гласных и согласных основ). См.: Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.

- *puruŋkwe* «кусать» (э. *porems, porəms* «грызть; есть»);
- *ponuŋkwe* «сучить (нити из жил)», х. *põntta ~ põnälta* «сучить; вить; свивать» (э., м. *ponams* «вить; сучить»).

Небезынтересно, что в вышеприведенных соответствиях (особенно в пунктах 1, 2) в мокшанском языке рефлексы общего словообразовательного суффикса *-ŋ* реализуются иначе, чем в эрзянском языке. Однако есть и общность, это заметно, когда перед суффиксом *-ŋ* оказывается гласный *a* – в этих случаях как в эрзянском, так и в мокшанском вместо *-ŋ* выступает суффикс *-v*: э. *tolgav*, м. *tolgav* «в перьях, оперившийся». В других случаях – в мокшанском языке вместо словообразовательного суффикса *-ŋ* мы находим суффиксы *-u* или *-i*.

Условия формирования языков финно-угорских народов и конкретные процессы развития каждого языка устранили многие черты первоначальной генетической общности, но сохранили знаковые особенности, реализующиеся в системах современных финно-угорских языков.

Чтобы ответить на вопрос, что является причиной замены словообразовательного суффикса *-ŋ* суффиксом *-u* или *-i*, необходимо обратиться к эрзянским говорам, сохранившим особенности мокшанского языка. В этих говорах произношение гласного *u* вместо *i* характерно для определенной группы слов. Обратим внимание на случаи вроде *t'ikšuv* (м. *t'išu*) «травянистый», *vir'u* (м. *vir'u*) «лесистый», где мокшанскому *u* или *i* соответствуют также эти звуки. Ср.: м. *vir'u* (< **vir'uv* «лесистый»), *ved'u* (< *ved'uv* «водянистый»). Переход **i* в *u* в мокшанском языке есть результат замены общемордовского *ŋ* другими согласными. Этот носовой согласный при исчезновении в конце слова заменился двумя звуками:

а) если в соседстве были гласные переднего ряда, то *ŋ* под влиянием предыдущего

гласного терял нозальность и переходил в *i*: **vir'ij* > **vir'ij* > *vir'i* «в лес»;

б) если этому звуку предшествовал лабиализованный гласный, то *ŋ* под влиянием предшествующего гласного стал произноситься в виде звука *v*: **louŋ* > **lovuv* > *lovu* «снежный». Однако такая позиционная замена *ŋ* впоследствии в мокшанском языке стала нарушаться. Происходило обобщение, обязанное действию аналогии, в пользу *v* за счет *j*. Так, под воздействием форм **kuduv* (< **kuduŋ* «в дом»), **lovuv* (< **lovuŋ* «снежный») появились формы типа **vir'iv* (< **vir'ij* «лесистый»), **vel'iv* (< **vel'ij* «в село»). Примечательно, что такие сдвиги отмечаются в мокшанском языке лишь в словах со значением «обладающий чем-либо», тогда как в лативных формах «по направлению к чему, куда» обобщение в пользу *v* не происходит. Ср.:

а) **vir'ij* > **vir'ij* > **vir'iv* > *vir'iu* «лесистый» (современная форма);

**ver'ij* > **ver'ij* > **ver'iv* > *ver'u* «кровяной, кровавистый» (современная форма);

**t'išij* > **t'išij* > **t'išiv* > *t'išu* «травянистый» (современная форма);

б) **vir'ij* > **vir'ij* > **vir'iv* > *vir'i* «в лес» (современная форма);

**vel'ij* > **vil'ij* > **vil'iv* > *vil'i* «в село» (современная форма);

**pir'ij* > **pir'ij* > **pir'iv* > *pir'i* «в огород» (современная форма).

Словоформы в группе «б» (со значением направления) не подверглись обобщению, очевидно, по семантическим признакам. Если бы сдвиг захватил их, то в мокшанском языке образовалось бы значительное количество морфологических омонимов, препятствующих точному пониманию смысла словоформы.

Появление суффикса *-v* вместо ожидаемого *-j* в прилагательных, имеющих значение «изобилующий чем-либо», вызвало фонетическое явление, когда гласная переднего образования *i* под влиянием последующего вновь возникшего губного согласного переходит в *u* – гласную фонемному заднего ряда. Это передвижение обусловлено тем, что артикуляция глас-

ного *i* стала полностью сливаться с артикуляцией последующего согласного *v*, являющегося словообразовательным суффиксом; произошла регрессивная губная ассимиляция. Передвижку гласного *i* в *u* можно представить в такой последовательности: **ij* > **ij* > **iv* > **uv* > **uu* > *u* (**keviŋ* > **kevij* > **keviv* > **kevuv* > **kevuu* > **kevu* «каменистый»).

Как видно из примеров, передвижка гласного *i* в *u*, в свою очередь, явилась причиной и условием изменения словообразовательного суффикса *-v*. Последний, находясь после лабиализованного гласного, оказался не слоговым гласным параллельно слоговому. В результате в рассматриваемых примерах получились два близких по образованию звука и один из них (конечный *u*) уподобился предшествующему гласному полного образования. Поэтому вместо ожидаемых словоформ *ved'uv*, *ver'uv* в мокшанском языке стали возможными формы слов *ved'u*, *ver'u* и т. д. Такова, на наш взгляд, причина появления гласного *u*, выполняющего роль словообразовательного суффикса в только что приведенных словоформах.

Обратившись к эрзянским говорам, сохранившим особенности мокшанского языка, мы убеждаемся, что гласный *u* (< **i*) в качестве суффикса в словах типа *ver'uv*, *pir'uv* и т. п. представляет собой не что иное, как наследие мокшанского языка, который на протяжении более чем трех столетий своего существования

в данной позиции хорошо сохранился, оказав упорное сопротивление влиянию других говоров. Причем передвижение гласного *i* в *u* захватило и лативные формы. Например:

а) **vir'ij* > **vir'ij* > **vir'iv* > *vir'uv* «лесистый; в лес», м. *vir'u* «лесистый», *vir'i* «в лес»;

б) **ver'ij* > **ver'ij* > **ver'iv* > *ver'uv* «кровавый; кровянистый», м. *ver'u* «кровоавый»;

в) **kuduj* > *kuduv* «в дом; домой», м. *kudu* «в дом; домой», э. л. *kuduv*, э. д. *kuduj* «в дом; домой».

Итак, все приведенные выше образования дают суммарную оценку сохранности финно-угорского (и уральского) словообразовательного суффикса *-ŋ*. Его потенциальные возможности в сравниваемых языках, особенно в хантыйском и мансийском, значительны.

Поступила 29.10.2013

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- м. — мокшанский язык;
- мн. — мансийский язык;
- мр. — марийский язык;
- см. — саамский язык;
- уд. д. — удмуртский диалектный язык;
- х. — хантыйский язык;
- э. — эрзянский язык;
- э. д. — эрзянский диалектный язык;
- э. л. — эрзянский литературный язык.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кельмаков, В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка / В. К. Кельмаков. — Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2003. — С. 176–180.
2. Керт, Г. М. Саамский язык (кильдинский диалект) / Г. М. Керт. — Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. — 355 с.
3. Лыткин, В. И. Историческая грамматика коми языка. Ч. 1. Введение. Фонетика / В. И. Лыткин. — Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1957. — 138 с.
4. Марийско-русский словарь. — М. : ГИС, 1956. — 863 с.
5. Марков, Ф. П. Приалатырский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. — Саранск, 1961. — С. 7–99.
6. Основы финно-угорского языкознания. — М. : Наука, 1974. — Т. 1.
7. Ромбандеева, Е. И. Мансийский (вогульский) язык / Е. И. Ромбандеева. — М. : Наука, 1973. — 208 с.
8. Терешкин, Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов / Н. И. Терешкин. — Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. — 544 с.